

15 марта Валентину Григорьевичу Распутину исполнилось бы 80 лет. Судьба распорядилась так, что день рождения и день памяти нашего классика стали одной датой. И в этом ещё одно подтверждение мистики судьбы Распутина, невольно наводящее на глубокие раздумья.

Казалось, ещё вчера имел я счастье встречаться и беседовать с Валентином Григорьевичем... И по прошествии нескольких лет никак не могу поверить, что его нет среди нас. То, что мне его очень не хватает, – встреч с ним, разговоров, писем, просто дружеского общения – полбеды. Распутина очень не хватает России на её непростых исторических путях.

* * *

В пору, когда Валентин Григорьевич работал над повестью “Мать Ивана, дочь Ивана”, нам как-то довелось с ним неспешно прогуляться по парку в Доме творчества Переделкино. Остановились около пруда. Погода была прекрасная – легкий морозец, ни ветерка.

– Эдуард, – обратился ко мне Распутин. – Я заметил, что ты, когда приезжаешь в Переделкино, обустроиваешься в старом двухэтажном корпусе. Но ведь там, в номерах, нет условий проживания таких, как в новом корпусе. Может, тебе не хватает денег снять номер? Так я помогу!

От такого вопроса-предложения я немного растерялся, но решил ответить, как есть:

– Видите ли, Валентин Григорьевич, в старом корпусе даже стены пропитаны, намолены присутствием в них в разное время великих писателей... Они здесь жили, общались, работали над своими знаменитыми произведениями, подходили к телефону около дежурного и вели разговоры с родными, издательствами, редакторами. А в новом корпусе, признаюсь, хоть и условия хороши, да вот того писательского духа нет, который бы подзаряжал творческой энергией.

Валентин Григорьевич задумчиво улыбнулся:

– А ты, наверное, прав... Вот ты сказал про великих писателей прошлого, а я вспомнил Читу и давний-предавний семинар молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, где мы с тобой познакомились. Там тоже было немало выдающихся писателей...

Наши с Распутиным добрые отношения имеют своим истоком ту нашу первую встречу в Чите уже более полувека назад. Порой некоторые писатели,

зная нашу с Валентином Григорьевичем дружбу, косились, мол, Анашкин, видимо, Распутину надоедает, пытаюсь просочиться на страницы журналов. Но честно скажу, мне и в голову никогда не приходило просить его помочь мне напечататься. Пересеклись мы как-то в Правлении Союза писателей России на Комсомольском проспекте, на втором этаже, около приёмной. Поздоровались, пожали друг другу руки. “Как дела? – спросил Распутин и вдруг поинтересовался: – А где новая рукопись? С собой?”

Рукопись у меня была с собой. Кто из нас, писателей-провинциалов, приходя в главное писательское Правление, не берёт с собой свои произведения в надежде: а вдруг да случится познакомиться с редактором издания, которому как раз в это самое время ты позарез нужен со своими “нетленками”! Я протянул Распутину папку с рукописью.

– Посмотрю, скажу своё мнение, – сказал Распутин и начал спускаться по лестнице на первый этаж, на ходу добавив:

– Время и желание будет, приходи ко мне домой. Всегда рад встрече. Надеюсь, найдёшь, не заблудишься.

Заблудиться я не боялся, а вот опасение показаться навязчивым сказалось. На квартиру Валентина Распутина в Староконюшенный переулок я пойти не осмелился.

Возвращаясь домой в Самарскую область. Через несколько дней после возвращения домой от Распутина звонок: “Ты почему не пришёл ко мне? Я разыскивал тебя в Переделкино, не нашёл, сказали, что уехал. К твоей новой книге я написал короткое предисловие. Когда получишь письмо, позвони, если с чем-то не согласен. Буду ждать звонка. Смотри, не зазнайся у себя в деревне (в трубке раздался смех). Светлане Ивановне очень понравились твои рассказы, она даже плакала”. Может, и нехорошо в том признаваться, но услышав слова о том, что фактически я довёл до слёз Светлану Ивановну, я обрадовался!

Подумалось, что, наверное, не со мной одним как автором он поступал, как врач, главная заповедь которого “Не навреди”. Памятно мне одно письмо от Валентина Григорьевича от 28 ноября 2001 года: “Вполне может быть, что моё суждение о рукописи Вам не понравится. В таком случае, откажитесь от него, а с моей стороны никаких обид быть не может. Повредить Вашей книге было бы для меня неприятно...”

Вообще каждое его письмо становилось для меня событием. Вот цитата из письма от 5 июня 2002 года из Иркутска: “Очень виноват перед Вами за молчание. Свой юбилей (тогда Валентину Григорьевичу исполнилось 65 лет. – Прим. авт.) праздновали с вашим гостинцем – степным мёдом во главе стола. 15-16 марта уже у меня были тяжёлые, я уже 17-го отправился на поезде в Иркутск. Дома пришёл в полную негодность и два месяца не подходил к письменному столу ни для “художеств”, ни для писем. Забросил всё, даже деловую переписку, так мне достаётся Москва. Полная психическая немощь. Только теперь начинаю с трудом отзываться на своё существование, виноват перед многими за своё “небытие”, но что делать!.. И ещё одно: когда дойдёт дело до книги, для которой я писал свои два или три листочка, дайте мне, пожалуйста, знать предварительно. Чтобы я мог свои листочки посмотреть...”

До чего обаятельны были распутинские письма – добрые и самоироничные, талантливые, краткие, но такие ёмкие по смыслу: “Я в своём духе, то есть умею надолго пропадать. Наконец, недостающие строчки для начала предисловия отправляю. Что выбрасывается, пометил. Удач Вам! В. Распутин”.

И вот на излёте 2002 года Самарское отделение Литературного фонда России выпустило мою книгу “Запрягу судьбу я в санки” с предисловием Валентина Григорьевича, которое называлось “На добро – добром!” Привожу его полностью вовсе не из авторской гордыни, а затем, что в этих строчках живёт взгляд нашего классика на непростую жизнь народа, из гущи которого он никуда не выходил, а жил в народе и потому стал народом любим. А я что? Я лишь один из представителей русского народа, которому повезло познакомиться и общаться с Распутиним. Вот что он написал:

“В этой книге всё, казалось бы, просто и нарочно обыденно. Простые люди, простые характеры и жизнь как жизнь, без стремительных и оглушительных подъёмов и падений. И пишет автор простодушно и незатейливо, обыденно, но и бережно, как-то по-отцовски вникая в каждую предложенную судьбу. И герои его не врываются в читательский мир, а входят с осторожностью, как

и полагается гостям, и уж после неторопливого общения появляется к ним дружеское расположение. В литературе, кроме техники письма и степени доверия к героям, есть ещё одна составляющая, от которой ничуть не меньше зависит конечный результат. Техника может быть безупречной, события могут происходить, как наяву, в самой естественной, не вызывающей подозрений форме, но у читателя, тем не менее, доверия к происходящему не будет. Он станет наблюдать за ними как бы со стороны, не решаясь войти внутрь и отдаться сопереживанию, потому что книга, в которую его приглашают, по профессиональным качествам котирующаяся высоко, написана холодным сердцем. В ней нет ни тепла, ни уюта, ни дружеского расположения, там по душам не поговоришь и душу свою не полечишь.

Эта книга написана бывшим детдомовцем, и вся она — от начала до конца — посвящена им же. Надо ли говорить, что это особое психического склада люди, униженные своим сиротством и оскорблённые той жестокой действительностью, которая с каждым годом всё беспощадней продолжает плодить сиротство. Спасти их может только совокупное добро, получаемое от государства, от воспитателей и учителей, от окружающих и от таких же, как они, покинувших детдомовские стены прежде. Ни воз гуманитарной помощи со сникерсами и кока-колой, доставленной из Америки или Европы, ни компьютер, привезённый богатым дядей, который купил и огородил забором пустошь за холмом, где детдомовцы собирали грибы для общего стола, ни пакеты со сладостями, выпадающие раз в год, и ни бесплатный Дед Мороз к Новому году не помогут им смягчить боль своей раненой души. А повсеместное и сознательное наше родительство, не скупящееся на ласковое слово и поощрительный взгляд, деликатная поддержка, целительное внимание, охранение от зла. По отношению к ним не должно быть чужих и посторонних. Все мы вольно или невольно виноваты в их сиротстве.

В этой книге из всех литературных достоинств есть самое главное — она удивительно добра. Добра, в некоторых случаях может показаться, даже чересчур: добро неестественно, неоправданно, несовместимо с тем, во что сегодня превратилась Россия и во что превратился в ней человек. Но вот вопрос: разве может быть где-то, в том числе и в литературе, излишнее добро? И как это — много? Разве мы уже, как у Достоевского в рассказе “Сон смешного человека”, всё зло преодолели и погрузились в сияющую, как солнце, нравственную гармонию? Напротив, мы погрязли в зле, у нас огромная, бесперебойно работающая идеологическая система, вырабатывающая зло. И за всякий лучик добра мы хватаемся, как за спасение.

А вот герои книги Эдуарда Анашкина живут добром так же естественно, как все мы дышим воздухом, — и никаких! “А всё-таки она вертится!” — сказано было одним упрямым о нашей планете, считавшейся в его пору центром Вселенной. “А всё-таки добра больше!” — с тем же упрямством уверяет автор этой книги. И что бы вокруг него ни говорили, какие бы ни вели подсчёты, а он прав. Без любви к человеку и без веры в него жизнь теряет всякий смысл. Поверим же ему. В любой области человеческой деятельности, если она терпит крушение, начинать следует с азов. И всюду эти азы — одно: любовь и вера. Валентин РАСПУТИН”.

* * *

Конечно, сразу же после выхода книги я отправил одну с дарственной подписью Распутину. А 19 января 2003 года, в день Крещения Господня Валентин Григорьевич пишет мне письмо: “Поздравляю Вас с выходом книги; это всегда событие для писателя из глубинки, а для Вас, должно быть, событие вдвойне, потому что уж очень с большими трудностями она выходила. Это-то ладно, и вышла, казалось бы, и хорошо, но что-то уж очень поспешили с тиражом. Что это за тираж — 500 экз.! Ох, и комментировать не хочется! Я искренне рад рождению Вашей книги. Это хороший Ваш новогодний подарок. Будьте здоровы и новых Вам книг!”

Видимо, с лёгкой руки Распутина моя книга пошла по России. Иначе как же она попала к главному редактору журнала “Литература в школе” Надежде Леонидовне Крупиной? Хотя уточнять этот вопрос я не стал ни у Валентина Григорьевича, ни у Надежды Леонидовны, а только однажды получаю банде-

роль, в которой несколько номеров журнала. Начал перелистывать страницы и обомлел: мой рассказ “Вовкин поцелуй” журнал не только опубликовал, но по этому рассказу, оказывается, во многих школах России прошли уроки. И учителя средних школ на страницах журнала делились своими впечатлениями о них.

Позже многие рассказы из сборника “Запрягу судьбу я в санки”, крёстным отцом которого стал Валентин Григорьевич, были напечатаны и в других столичных журналах: “К единству!”, “Россия молодая”, “Наша улица”. Уверен, что именно предисловие Валентина Григорьевича Распутина к этой моей книге проложило ей такую широкую дорогу к читателю!

* * *

Валентин Григорьевич был настоящим русским интеллигентом. За все годы нашей дружбы я не слышал от него ни одного скверного слова. Помнится, однажды после ужина в Переделкино я провожал Распутина до нового корпуса. О чём-то разговорились и я, возмущённый несправедливостью по отношению ко мне персонала, загнул по-русски. Валентин Григорьевич вдруг резко остановился, поднял голову, и я увидел его глаза, испытующе глядящие на меня:

— Эдуард, никогда не пачкай душу об эти слова. У нас такой богатый язык. Следи за своей речью. Не забывай, что ты писатель!

Его удивительный талант, конечно, не мог оставить равнодушным никого. Одни его пламенно любили, другие писали на него доносы за его гениальные, но якобы “антисоветские” повести. Когда начальник политического управления Советской армии и Военно-морского флота А. А. Епишев узнал о повести Распутина “Живи и помни”, то запретил подписку на опубликовавший эту повесть журнал “Наш современник” для библиотек воинских частей.

Известный русский поэт-иркутянин Владимир Скиф вспоминает о Валентине Распутине: “За чаем (этот разговор произошёл на даче Распутиных в порту Байкал. — Прим. авт.) я спросил у Вали: “Я знаю, что тебе пишут очень много доброжелательных и восхищённых писем. А есть ли письма, в которых тебя ругают?” — “Случается”, — коротко ответил он... Однажды пришло просто разгромное письмо. Это было как раз после публикации повести “Живи и помни”. В нём автор разносил Распутина в пух и прах, грозился обратиться с письмом в соответствующие органы за подрыв советской идеологии и с просьбой, чтобы его наказали за разрушительную работу против СССР. “И что? Ты ответил?” — коротко спросил я. “А зачем?” — Валя замолчал. “А подпись? Подпись была? И кто автор письма, он указал — кто он?” — “Некто Иванов Николай Петрович, фронтовик, орденоносец”. — “Тебе, наверное, стало худо от этого письма...” — “Было, конечно, очень неприятно. Но потом я привык. Такие письма теперь для меня не редкость”. — “Да, странно. — “Ничего странного. Мне-то понятно, кто водил рукой того же Иванова”. — “А где это письмо?” — “Я выбросил. Я всё выбрасываю...””

* * *

Когда в ноябрьском номере журнала “Наш современник” за 2003 год была опубликована повесть Валентина Григорьевича “Дочь Ивана, мать Ивана”, то очень точно высказался заслуженный деятель искусств России, академик РАЕН, искусствовед, историк, писатель, лауреат многих наград Савва Васильевич Ямщиков: “Читая о дочери и матери Иванов, я отчётливо понял, откуда глубокие борозды и тени на лице их создателя. Пропустить через себя такие коллизии не каждому под силу. Уверен, что критики немало слов напишут о новой распутинской повести. Наиболее шустрые враз прорезались. С лёгкостью необыкновенной вездесущий Дм. Быков, не поняв и малой доли многозначности классического сочинения, успел уличить писателя в “руссофильстве” и свысока поучить “товарища по цеху” уму-разуму!” Прав оказался Савва Васильевич Ямщиков!

Сначала, после публикации новой распутинской повести, воцарилась тишина, как всегда она воцаряется после редкого в море разливанном лжи правдивого слова. А затем началось. И по нарастающей. Не только в столице!

Судили-рядили об этом новом детище Распутина все, кому не лень. Местные писаки, ничтоже сумняшеся, сравнивали Валентина Григорьевича с местными гениями, а в каждом регионе эти местные-поместные, как известно, свои. Попутно вспоминали предыдущие повести Распутина, особенно “Живи и помни”. Даже сибиряки не остались в стороне – тоже захотелось лягнуть выдающегося коллегу-земляка, видимо, за то, что “посмел” стать классиком при жизни.

Так, некий никому не известный далее города проживания (Черемхово) Александр Серёдкин в статье “Предательство возлеи в ранг доблести” (“Литературная Россия”, № 13 от 31.03.2006 года) пишет о фильме “В круге первом” Глеба Панфилова, экранизовавшего в десяти сериях роман Солженицына: “Книги Солженицына читают немногие. И он решил наверстать не мытьём, так катаньем, чтобы донести до граждан поверженной России... невостребованные тома сериалами”. Я не большой поклонник идей и творчества Александра Солженицына. Но пресловутый Серёдкин зачем-то попутно не преминул лягнуть Распутина, проводя, мягко говоря, сильно натянутую параллель между творчеством Солженицына и Распутина, писателей, несопоставимых по уровню художественного таланта. И литературная Самара, увы, не осталась в стороне в попытке низвержения Распутина. Одна из самарских газетёнок (потому что уважаемые газеты вряд ли позволят себе такое неуважение к признанному во всём мире классику), рассказывая об экранизации режиссёром Прошкиным повести Валентина Распутина “Живи и помни”, назвала распутинскую повесть “непопулярной”... Как говорится, хотели обидеть, а получилось наоборот, если учесть, что сегодня популярны лишь вышедшие в тираж безголосые певцы и певички.

Но это я сейчас, по прошествии лет, понимаю умом всю глупость самарских “популистов”. А тогда так меня задело это интервью самарской журналистки со столичным режиссёром Прошкиным, что не смог я промолчать, написал статью “Популярно о непопулярном”, отправил на сайт “Русское воскресенье” Союза писателей России.

“ПОПУЛЯРНО О НЕПОПУЛЯРНОМ

Стыдно за самарское околелитературное хамство

С печалью приходится констатировать: околелитературный моськизм, когда местечковые “журналюшки” считают хорошим тоном гавкать на прижизненных всероссийских писателей-классиков, стал одним из принципов самарской журналистики. Намедни одна из самарских “жёлто-бульварных” газет*, рассказывая об экранизации режиссёром Прошкиным повести Валентина Распутина “Живи и помни”, назвала повесть “непопулярной”. По всему видно, что определением “непопулярная” горе-журналистка Татьяна Си...кова, яко моська слона, хотела укусить современного русского классика Распутина. Но не подрассчитала силёнок и попала впросак. Впрочем, о чём я? Где Распутин и где эта “жёлтая” газетка, коих в одной Самаре много множество?! Видимо, обаяние популярности, помноженное на одичание поп-культурой (культурой поп, как её ещё называют), среди журналистов дошло до такой степени, что они уже не в силах отличить хулы от хвалы. По себе, бедолаги, судят! Но разве уважающего себя и своих читателей художника может порадовать принадлежность его творчества к “культуре поп”? Не буду называть имя “популярной” газеты (на которую почему-то на селе заставляют подписываться в добровольно-принудительном порядке!). Не буду порицать иных особой местной журналистики. Сам я одно время работал в газете и знаю, как легко отупеть на журналистской работе, которая приучает человека к цинизму и поверхностности суждений. О каких приоритетах можно говорить, когда пресловутая газетка пафосно пишет о проводимом их редакцией среди сотрудников и авторов газеты чемпионате по пьяным шашкам и даже называет имя победителя чемпионата по пьяным шашкам, не понимая, что тем самым дискредитирует человека подобной “похвалой”.

Странно мне только, что сия газета, которая кормится с руки государства в лице областного правительства Самарской области, считает при этом хорошим тоном лягать это же государство в лице президента России, который

* Татьяна Симаква “Очень немодное кино” / Газета “Волжская коммуна”, № 130 от 14.04.09.

в 2004 году наградили “непопулярного писателя” Валентина Распутина премии президента. Но странностей у нас сегодня в России предостаточно, никакого Салтыкова-Щедрина не хватит, чтобы их описать! Позабавило в этом материале, посвящённом самарской премьере фильма по повести Распутина “Живи и помни”, интервью режиссёра фильма Александра Прошкина. Сразу скажу – точность этого интервью, якобы данного Прошкиным газете, оставляя на совести пресловутой “популярной” журналистки Татьяны Си...ковой. Цитата из Прошкина: “У Распутина вообще много литературщины, которую в фильм нельзя ставить. Повесть ведь очень принадлежит своему времени, невозможно сегодня читать её...” Подивил режиссёр, так подивил! Снял кино, а о чём оно, так и не понял! Разве предательство, являющееся основным предметом художественного исследования распутинской повести, не вечно на нашей земле? Господин Прошкин, да оглянитесь же вокруг! Тотальное предательство стало едва ли не нормой жизни современной России. Президент Медведев едва ли не за голову берётся, когда говорит о неискоренимой коррумпции в России. А коррупция – это то же предательство государственных и национальных интересов! Да если бы только коррупция была ныне единственной формой предательства на Руси!.. Далее популярный режиссёр, экранизовавший “непопулярную” распутинскую повесть, якобы говорит “популярной” журналистке: “Вообще я стараюсь с авторами не общаться и предпочитаю экранизировать произведения уже мёртвых писателей...” Конечно, куда как легче режиссёрам иметь дело с покойными гениями! Покойные классики смолчат и не смогут отстоять своё детище – это нам показала недавняя премьера “Тихого Дона”... Насколько полнокровен “Тихий Дон” Сергей Герасимова, подбирать актёров для которого помогал сам Михаил Александрович Шолохов, настолько же выхолощен “Тихий Дон” Бондарчука.. Я вообще уверен: чтобы экранизировать классику на должном уровне, надо быть режиссёром, который по таланту как художник сопоставим с экранизируемым писателем. Гениального писателя должен экранизировать гениальный режиссёр, иначе будет ситуация, когда сапожник пытается судить произведение искусства “выше сапога”, налагая свои “сапожные” критерии на понятия художественности.

По иронии судьбы кинокартина Прошкина по “непопулярной” повести Валентина Распутина “Живи и помни” получила Гран-при как лучший фильм 15-го Российского кинофестиваля “Литература и кино” в Гатчине. Операторы Геннадий Карюк и Александр Карюк награждены специальным призом фестиваля за лучшую операторскую работу. Роман Дормидошин отмечен призом жюри имени композитора Андрея Петрова за лучшую музыку. Но вряд ли бы хороший фильм состоялся, не будь изначально хорошего литературного произведения, положенного в его основу. Даже либеральная кинематографическая “тусовка” не смогла при всём желании замолчать фильм по гениальной “непопулярной” повести Распутина “Живи и помни”. Фильм получил сразу несколько призов на фестивале “Тэффи” у Михаила Швыдкого... Короче, фильм высоко оценили и красные, и белые, и почвенники, и либералы – все, но только не самарская бульварная газетка! Я считаю себя писателем-почвенником, поскольку всю жизнь живу на этой самой русской почве и тем горд. Чтобы посмотреть фильм, вынужден был купить видеодиск. После просмотра, положа руку на сердце, не могу сказать, что прошкинская экранизация достойно выдержала конкуренцию с гениально самодостаточным распутинским текстом. Это тема отдельного разговора о том, насколько вообще нынешние режиссёры способны подняться до уровня экранизации “непопулярной” классики. Возможно, если бы я смотрел фильм на широком экране, он бы мне понравился больше. Но если впечатление от фильма кардинально зависит лишь от размера экрана, то... Знаю одно: если встанет вопрос, что лучше – посмотреть фильм или перечитать повесть, однозначно предпочту второе!

Валентин Распутин категорически непопулярный писатель. Само сопоставление Распутина и популярности кажется смешным. Не придёт же нам в голову поверять критерием популярности наследие прижизненных классиков Габриэля Гарсиа Маркеса или Мориса Дрюона! К ним можно отнести немало эпитетов, но эпитет “популярный” будет едва ли не последним в этом ряду. Оставим популярность голосистым певичкам, сочинительницам дамских романов да журналюшкам “жёлтых” провинциальных газеток. Популярность преходяща. Приходят и уходят идеологии, мировоззрения, президенты. А “непопулярная” классика переживает всех. И повесть Распутина о таком

непреходящем, увы, явлении, как предательство, останется в веках, потому что помогает нам постичь суть этого явления. Что касается Распутина, то категорически не может быть “популярным”, как червонец, писатель – Герой Социалистического Труда, имеющий два ордена Ленина, орден Трудового Красного Знамени, орден “Знак Почёта”. Писатель, впервые лауреатом Государственной премии ставший ещё тогда, когда наша страна называлась СССР. И ставший лауреатом именно за “непопулярную повесть” “Живи и помни”! Спустя десять лет вновь Распутин – лауреат Государственной премии. Менялись властители, режимы, идеологии – на смену партократам пришли демократы. В 2004 году, как я уже упоминал выше, Валентин Распутин был награждён премией президента России. В марте 2007 года президент Путин наградил Валентина Григорьевича орденом “За заслуги перед Отечеством”... Можно долго перечислять награды “непопулярного” Валентина Григорьевича Распутина. Но сам он не любил этих перечислений. А я по опыту своего с ним общения знаю, что наиболее высоко наш классик ценил Международную премию имени Фёдора Михайловича Достоевского – куда более скромную в материально-финансовом выражении, нежели другие его премии, но зато освящённую именем “непопулярного” Достоевского. Того самого Достоевского, который несколько лет назад был так гениально экранизирован режиссёром Бортко. И не помешали режиссёру Бортко, который поставил “Идиота”, сделать гениальный фильм пространные монологи, что произносят герои Достоевского. Может, режиссёру Прошкину лучше не гоняться за призрачной популярностью, а у режиссёра Бортко поучиться умению понимать и ставить классику?

Зачем я пишу эту статью? А затем, что стыдно за родное самарское околотературное хамство и проистекающее из этого хамства стремление своим региональным обывательско-бульварным аршином измерять явления все-российского и всемирного масштаба. Так ведь и аршин сломать недолго”.

* * *

Когда статья была напечатана на сайте “Русское Воскресенье”, я получил много писем и отзывов со всей России, авторы которых горячо меня благодарили. Неожиданно откликнулся и Валентин Григорьевич:

“Дорогой Эдуард! Спасибо за поддержку в Самаре моей работы и моего имени. От Симаковых никуда не деться. Эти безграмотные и подловатые люди для того и существуют, чтобы защищать дурное и набрасываться на иное. За последние десятилетия в России расплодилось столько Татьян Симаковых, что как-то и стыдно иной раз становится за Россию. С них, как говорится, взятки гладки. Но меня удивил так называемый режиссёр Прошкин. Кто его, интересно, заставлял брать мою повесть “Живи и помни”? Кстати, текст её от начала и до конца должен быть мой, если Прошкин не напортил что-нибудь. Не годился он для Прошкина – зачем брал, кто его заставлял? Меня это удивляет больше всего. Коли взял, да ещё по своей воле... Ты и только ты несёшь ответственность за неё. Эта Татьяна Симакова и подобные ей могут говорить о ней всё, что угодно, а ты уже не можешь. Ну их подальше! Всё, что требовалось сказать, ты сказал в своей работе. Я недели через две собираюсь лечь опять в больницу. А затем уже буду собираться в Иркутск. Но это уже ближе к маю. Работа твоя – я имею в виду “Популярно о непопулярном” – серьёзная и о многом говорит помимо моих с Прошкиным отношений. Серьёзная работа. Кланяюсь В. Распутин”.

* * *

Долго думал, а стоит ли, говоря о Распутине, затрагивать тему его личной жизни? Сам Валентин Григорьевич был человеком закрытым, когда речь шла о его семье, публичности не любил. Хотя семья его была едва ли не идеальной. Всю свою жизнь Валентин Григорьевич прожил со Светланой Ивановной, воспитали двух прекрасных детей... Но, говоря о жене Распутина, придётся мне вести речь об Ольге Владимировне Лосевой. Как её только не представляют наши СМИ: “...вторая жена великого писателя Распутина”, “вдова Валентина Григорьевича Распутина” и др...

В книге Андрея Румянцева “Валентин Распутин”, изданной в серии “Жизнь замечательных людей”, в главе двадцать пятой под заголовком “Та, что скрасила трудные годы” говорится так: “После ухода Светланы Ивановны жизнь Валентина Григорьевича оказалась тесно связана с Ольгой Владимировной Лосевой, ставшей впоследствии его второй женой...”

О Светлане Ивановне, хотя она всегда держалась в тени своего великого мужа, говорить не стану. Её знают все писатели как верную музу Распутина. А вот об Ольге Владимировне Лосевой многие, даже из числа коллег, знавших Распутина, слышат подчас впервые. Женщина 1957 года рождения, была замужем за профессором Евгением Владимировичем Назайкинским, волжанином из села Новая Малыкла Ульяновской области.

Е. В. Назайкинский родился в 1926 году. Был участником Великой Отечественной войны. Он известный музыковед, доктор искусствоведения. Ольга Владимировна приехала учиться в Москву из Подмосковья — города Ногинска. В 1975 году окончила музыкальное училище при Московской консерватории. В 1980 году закончила своё образование непосредственно в самой государственной консерватории имени П. И. Чайковского. Руководителем класса Ольги Владимировны был профессор Е. В. Назайкинский. У молодой девушки вспыхнула любовь к профессору, а затем она переступила порог квартиры Евгения Владимировича в качестве супруги. Так и прожили они до 3 апреля 2006 года, когда умер её муж. Их долгий брак был бездетным.

Многие музыканты не могли не заметить, что, когда Ольга Владимировна вышла замуж за профессора Назайкинского, её карьера стремительно пошла по восходящей. Защита кандидатской диссертации, стажировка в Вене. Потом она стала лауреатом Шумановской премии ФРГ, доцентом теории музыки, заведующей редакционно-издательским отделом консерватории и одновременно старшим научным сотрудником отдела современного западного искусства государственного института искусствознания.

С семьёй Распутиных Лосева познакомилась благодаря их дочери Марусе. В 1990 году дочь Валентина Григорьевича и Светланы Ивановны Распутиных Мария закончила Иркутское училище искусств и поступила в Московскую консерваторию, где среди её преподавателей был Евгений Владимирович Назайкинский. Не хотелось бы лишней раз вспоминать страшную трагедию крушения самолёта в Иркутске, где погибла Мария Распутина, но вспомнить придётся, потому что Ольга Владимировна Лосева всюду позиционируется как любимый педагог Марии Распутиной. Однако на похоронах Маруси, Марии Распутиной, Ольги Владимировны Лосевой почему-то не было.

12 октября 2010 года Распутины венчались в храме в честь иконы Божьей Матери, именуемой “Касперовская”, расположенном рядом с Князе-Владимирским храмом, в лесочке, по улице Лесная, 145. Таинство венчания совершил протоиерей Алексей Серединов.

В конце сентября 2013 года я принял участие в работе замечательного праздника “Дни русской духовности и культуры” в Иркутске. Однажды, когда гости завтракали в гостиничном комплексе “Русь”, пришёл Валентин Григорьевич Распутин. Накануне по телефону мы с ним договорились встретиться. Распутин сел на кожаный диван, я присел рядом. Валентин Григорьевич, это уже было заметно, очень изменился, измученный борьбой с недугом, он, и без того никогда не отличавшийся лишним весом, ещё более похудел. Глаза были усталы и печальны.

Я спросил:

— Валентин Григорьевич, а почему вы венчались со Светланой Ивановной в храме Касперовской иконы Божьей Матери на окраине города, а не в своём любимом храме Михайло-Архангельском, рядом с домом, где вы живёте?

— Это наше со Светланой Ивановной общее решение. Венчаться в Москве мы не захотели, решили совершить таинство на родине, на иркутской земле. Да, старинная Михайло-Архангельская, её ещё называют Харлампиевская, церковь рядом, мы её любили. Немногие знают, что в этой церкви венчался и Александр Колчак. Я видел в церкви запись о бракосочетании в марте месяце 1904 года лейтенанта флота Александра Васильевича Колчака с дочерью действительного статского советника, потомственной дворянкой Подольской губернии Софьей Фёдоровной Омировой.

— Мы с женой, — продолжал Валентин Григорьевич, — не хотели, чтобы на нашем семейном празднике присутствовали журналисты, фотографы.

Они бы сделали из этого, Эдуард, шоу. Потому всё произошло скромно, похорошему и, главное, тихо...

15 марта 2012 года, в день 75-летия Распутина, Валентин Григорьевич и тяжело больная Светлана Ивановна покинули Москву, вернулись в Иркутск. Светлана Ивановна покидала Москву навсегда. Валентин Григорьевич старался всё время проводить с женой. Когда наступили самые трудные дни, вообще не отходил от постели жены. И, конечно, постоянно рядом со Светланой Ивановной кто-то был: то младшая сестра Евгения Ивановна, то сын Сергей, то сноха Елена. Сыну со снохой досталось больше всех.

— Нам не удалось добиться, чтобы Светлане Ивановне, — вспоминает Евгений, — выписали сильнодействующие препараты, говорили, что это возможно только в хосписе...

Спрóсите, к чему я так подробно описываю последние недели жизни Светланы Распутиной? А потому, чтобы читатель понял: о помощи и уходе за Светланой Ивановной со стороны Ольги Лосевой, как пишут сейчас многие СМИ, не может быть и речи.

Скончалась Светлана Ивановна 1 мая 2012 года, в день рождения своего отца — известного сибирского поэта, первого Председателя иркутского отделения Союза писателей СССР Ивана Молчанова-Сибирского. Отпели её в Богоявленском Соборе областного центра 4 мая. Похоронили рядом с дочерью Марией на Смоленском кладбище.

Именно с момента смерти жены стала заметно прогрессировать болезнь и у самого Распутина. Он проходил курсы лечения в больницах Иркутска и Москвы.

“Валентин, — считает крёстная Распутина Р. А. Григорьева, — знал, что у него рак, проходил курс химиотерапии, но считал делом чести оформить союз. И она (Ольга Лосева. — Прим. авт.) продлила ему жизнь”.

И ещё крёстная добавляет: “Света дала напутствие (О. Лосевой), чтобы та ради Бога не оставляла Валентина. “Как было бы хорошо, если бы ты взяла на себя и писательский архив”.

Именно это последнее обстоятельство было главной причиной оформления отношений: кто будет владеть правами литературного наследия.

* * *

Позволю себе немного хронологии из моего дневника. Вот что вспоминает друг Распутина — охотовед-биолог, предприниматель, меценат Николай Васильевич Терещенко из города Тулуна Иркутской области. Николай Васильевич прислал мне свои воспоминания о встречах с великим писателем земли русской: “У меня есть фотография с Валентином Григорьевичем за полгода до его смерти. В сентябре 2014 года мы с ним созвонились. “Я в больнице лежу”, — сказал мне Распутин. Набрал гостинцев — сок, фрукты — и к нему. Взял он пакет с гостинцами. Я ему предложил: “Давайте на память сфотографируемся”. Тогда я не знал, что эта фотография с ним окажется последней. На фотографии хорошо видно, что рубашечка на нём застёгнута неровно. Мы посидели с ним в вестибюле, поговорили. Он мне признался: “Я, Николай Васильевич, ничего не помню. Сосуды головного мозга совсем отказали. Ничего не помню. Лечат меня, системы ставят, только улучшения нет”.

Сравниваю эту запись со своими дневниковыми.

“9 октября. Разговаривал по телефону с Валентином Григорьевичем. Сразу же после выписки из иркутской больницы и по приезде в Москву он попадает в столичную клинику.

15 октября. Распутин: “Эдуард, ничего не помню. Голова не работает”.

25 октября. Опять позвонил Распутину, но он ещё в больнице.

23 декабря. На мой звонок ответила внучка Антонина, пригласила Валентина Григорьевича. “Эдуард, прости, у меня гости. Позвоню сам”.

27 декабря. Распутин выполнил своё обещание (внучка напомнила). Поздравил с наступающим Новым годом. Жалуется на страшную головную боль и потерю памяти. Спросил меня про статью о читинском семинаре молодых писателей: “Пришли мне, посмотрю, добавлю фотографии к материалу...”

Последний раз я дозвонился до Распутина 21 февраля, в субботу. Ответил женский голос (но это была не внучка): “Что передать Валентину Григорьевичу? Он говорить не может, болеет сильно...”

Невольно возникает сразу несколько вопросов. В какой загс Москвы тяжело больной Валентин Григорьевич Распутин за три месяца до смерти привёл Ольгу Лосеву? Кто был свидетелями со стороны жениха и невесты? Зачем Ольга Владимировна Лосева привезла Распутина жить к себе за три месяца до его смерти, фактически вырвав тяжело больного человека из привычных ему годами условий? Почему все три месяца после заключения брака Валентина Распутина и Ольги Лосевой известие об этом браке находилось в тайне? Почему о женитьбе Распутина не знали даже родственники Распутина?.. Ох, как хотелось бы получить ответ на многие вопросы, касающиеся судьбы и творческого наследия русского классика!

* * *

Немного отвлекусь от грустного, чтобы вспомнить о праздновании Дней духовности и культуры “Сияние России-2016” – праздника, обязанного когда-то своим появлением на свет несколько десятков лет тому назад Валентину Распутину. Получив приглашение на этот литературный праздник, я, не раздумывая, дал согласие на участие в нём.

Вот уж праздник так праздник! Мы, писатели России, вместе с иркутскими товарищами по перу проводили встречи с общественностью, школьниками, студентами. Побывали вместе с творческим коллективом иркутской филармонии на родине В. Г. Распутина – в посёлке Усть-Уда. Восхитились концертом “Встань за веру, русская земля” заслуженной артистки России, замечательной певицы Татьяны Петровой, посетили литературные места в посёлке Листвянка, были на месте гибели Александра Вампилова. Большая работа по подготовке и проведению праздника проделана иркутским отделением Союза писателей России и лично Владимиром Петровичем Скифом.

Особенный душевный подъём вызывали встречи с иркутянами и сибиряками. Однажды после обеда мне в номер позвонил дежурный и попросил выйти в холл гостиничного комплекса, сказав, что меня ждут посетители. Подумал, что это кто-то из читателей или коллег. Я был изумлён, увидев красивую женщину и молодого мужчину с роскошным тортом в руках. Это оказалась известная иркутский модельер, ученица знаменитого Вячеслава Зайцева Людмила Васильевна Карелова и её сын Руслан, известный скульптор и ваятель ледяных фигур. Огромный именной торт гласил: “Эдуарду, дружески, с надеждой на встречу в Иркутске”.

“Вы не удивляйтесь, – сказала женщина. – Я прочитала вашу статью о нашем любимом земляке Распутине. Вы в ней приводите автограф на подаренной вам книге “Прощание с Матёрой”, выпущенной к его 75-летию издательством Геннадия Сапронова у нас в Иркутске. И я испекла этот торт и перенесла на торт этот автограф. Торт из измельчённой иркутской черёмухи. Примите его, пожалуйста, вы же сибиряк, и этот торт передаст вам запах и вкус Сибири”.

Проговорив это, хозяйка кулинарного чуда вручила мне этот дар, взяла сына под руку, села в машину, да и была такова. Вконец изумлённый, я даже не помню, успел ли её поблагодарить?.. Так и остался стоять, как вкопанный, с тортом в руках, где кремом был нарисован один из распутинских автографов...

* * *

В понедельник, 26 сентября 2016 года, мы, писатели, должны были посетить некрополь Знаменского монастыря, побывать на могиле В. Г. Распутина, где должно было состояться открытие памятника. Накануне вечером я заказал букет бордовых роз, чтобы возложить их на могилу Валентина Григорьевича. Перед отъездом мне в гостиничный комплекс “Русь”, где проживали писатели, букет цветов был доставлен.

Народу в некрополе собралось много. Удалось лишь мимоходом пообщаться с сыном Валентина Григорьевича – Сергеем, младшей сестрой по-

койной Светланы Ивановны Евгенией Молчановой... Когда владыка Ангарский и Иркутский Вадим закончил службу, и с памятника упало покрывало, я немного оторопел: на могиле стоял огромный, из серого камня, крест, более похожий на европейский, нежели на православный – тот православный деревянный крест, который прежде стоял на могиле Валентина Григорьевича Распутина. Многие переглянулись и опустили головы. Знаю, что работу по изготовлению креста оплатил сын Распутина Сергей. Сумма немалая. А вот кто автор проекта памятного креста русскому классику Распутину, так и не удалось узнать. Впрочем, если мы говорим о памятнике, то лучшим памятником великому печальнику земли русской Валентину Распутину стали его прекрасные книги о России, написанные с такой правдивостью, что порой вызывали яростные споры, как всегда вызывает яростные споры русская правда, сказанная с гениальной простотой.

Я рад, что мне удалось довести в целостности и сохранности бюст Распутина, вылепленный заслуженным художником России, московским скульптором Николаем Селивановым. Теперь этот бюст красуется в Распутинской комнате Иркутской областной библиотеки им. Ивана Молчанова-Сибирского. И у праздника “Сияние России” появилась новая традиция – все писатели-гости расписываются на колонне, что находится в этой комнате. Бюст мне был подарен самим скульптором Николаем Селивановым, знакомым со мной заочно, по моим материалам о Распутине. Хотелось бы немного сказать об этом скульпторе – подвижнике русской культуры. Он автор бюстов всех выдающихся русских писателей – Василия Белова, Василия Шукшина, Владимира Соколухина, Михаила Алексеева... Одним только бюстов Есенина в творческом активе Николая Селиванова 50 работ! Бюст Распутина Селиванов передал мне через нашу общую хорошую знакомую – доцента кафедры филологии Тольяттинского государственного университета Елену Койнову. И эта женщина, тоже немалая подвижница русской литературы, не сочла для себя обузой везти из Москвы, чтобы передать мне, это произведение искусства, впоследствии переданное мной землякам Валентина Григорьевича. Так вот бюст Распутина совершил путешествие по всей России – из Москвы через Тольятти и Самару в Иркутск.

И всё-таки лучшим памятником Валентину Григорьевичу будет наша память о нём. Когда мы открываем его прекрасные книги, наполненные любовью к России и болью за неё, когда перечитываем пронзительные его повести, чтобы жить и помнить то, что завещал нам Распутин своими строками.